

УДК 39; 77

DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-2-359-368

**Фотографический архив финно-угорских народов Сибири
венгерского исследователя К. Папай
как визуально-антропологический источник**

Е. В. Головнёва

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
golovneva.elena@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. В последнее время в отечественной визуальной антропологии существенно вырос интерес к забытым в архивах фотодокументам, запечатлевшим сибирский и дальневосточный регионы в конце XIX – начале XX вв. Среди этих фотодокументов особый интерес представляют фотоснимки венгерского исследователя Кароя Папай (1861–1893), которые являются частью фотографического собрания Этнографического музея г. Будапешта, освещающего культуру самодийских и финно-угорских народов севера Сибири.

Цель: исследовать феномен этнографического фотодокумента как комплексного визуально-антропологического источника.

Материалы исследования: портретно-антропологическая фотография¹ венгерского исследователя К. Папай.

Результаты и научная новизна. Результаты исследования отвечают актуальной задаче введения в научный оборот архивных фотографических материалов, углубления теоретической проработки понятия «портретно-антропологическая фотография» как особого типа визуально-антропологического источника.

Новизна работы заключается в изучении архивных фотоматериалов К. Папай как ценного историко-этнографического источника, анализируемого в контексте развития визуальной антропологии Сибири венгерскими исследователями в конце XIX века.

Ключевые слова: финно-угроведение, визуальная антропология, антропологическая фотография, венгерские исследователи в России, финно-угорские народы, Сибирь, Карой Папай.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 18-59-23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтальных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских учёных и кинематографистов» (руководитель – Е. В. Головнёва).

Для цитирования: Головнёва Е. В. Фотографический архив финно-угорских народов Сибири венгерского исследователя К. Папай как визуально-антропологический источник // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 359–368.

**Photographic archive of Finno-Ugric peoples of Siberia by the Hungarian
researcher Pápai Károly as a visual and anthropological source**

E. V. Golovnyova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation,
golovneva.elena@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: for the last time the interest to the forgotten archive photographic materials in visual anthropology, which are represented the image of Siberia and the Far East at the end of the XIX – the beginning of the XX century, had been increased. Particular interests are the photographs of the Hungarian researcher

¹ Антропологическая фотография – особый вид научного документа, создающий обобщённый портрет, характерный для определённых этнических групп [25, 12].

Pápai Károly (1861–1893), which are the part of the photographic archive of Budapest Museum of Ethnography regarding culture of the Samoyed and Finno-Ugric peoples of the North of Siberia.

Objective: to study the phenomenon of ethnographic photography as a complex visual and anthropological source.

Research materials: portrait and anthropological photography by the Hungarian scholar K. Pápai.

Results and novelty of the research: the results of the research meet the urgent task of introducing archival photographic materials into scientific circulation, deepening of theoretical study of the concept of «portrait and anthropological photography» as a special type of visual-anthropological source.

The novelty of the work is exploration of the archive photographic materials of Pápai Károly as a valuable historical and ethnographic source that is analyzed in the context of the development of visual anthropology of Siberia by the Hungarian scholars at the end of the XIX century.

Key words: Finno-Ugric studies, visual anthropology, anthropological photography, the Hungarian scholars in Russia, Finno-Ugric people, Siberia, Pápai Károly.

Acknowledgements: the work is supported by the Russian Foundation for the Humanities as part of the project №18-59-23007 “Visual anthropological research of Russian and Soviet frontier territories in the first half of the XX century: Russian and Hungarian scholars and filmmakers” (the head of the project is E. V. Golovnyova).

For citation: Golovnyova E. V. Photographic archive of Finno-Ugric peoples of Siberia by the Hungarian researcher Pápai Károly as a visual and anthropological source // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (2): 359–368.

Введение

Существующий на данный момент опыт исследования архивных фотографий, репрезентирующих образы фронтальных территорий Российской империи в конце XIX – начале XX вв., до сих пор содержит лакуны, как в охвате материала, так и в его систематизации и осмыслении. Тем более недостаточное внимание уделяется хранящимся в музеях фотографическим снимкам, которые были созданы конкретными профессиональными исследователями, и которые длительное время попросту не входили в область изучения историков, культурологов, искусствоведов по причине отсутствия разработанных подходов к научному анализу подобных материалов. Лишь в последние десятилетия, благодаря институционализации исследования фотографии в отечественной науке и переходу в изучении визуальных источников от искусствоведческой парадигмы к парадигме исследований культуры, стало возможным изучение феномена архивных фотографических снимков с новых точек зрения. В центре внимания исследователей, в частности, оказываются различные формы бытования фотографий (антропологическая, любительская, семейная, судебная и др.), их пропагандистский и эстетический потенциал [19], материальная составляющая [14], специфика фотодокумента в эпоху цифровых технологий [22] и т. д.

За небольшой период в отечественной визуальной антропологии существенно вырос

интерес в том числе к забытым в архивах фотодокументам, запечатлевшим сибирский и дальневосточный регионы, которые в своё время оказывали существенное влияние на формирование их визуального восприятия внутри страны и за рубежом [1; 2; 7; 8; 20; 27]. Фотографы конца XIX – начала XX вв. признавали скорее «протокольную» сущность фотографии, то есть способность к бесстрастной и объективной записи реальности, в манере Ренгер-Патч, который достиг большой виртуозности в фотографировании растений или А. Зандер, собиравшей «атлас» человеческих лиц. В большой степени – это фотографии, создаваемые авторами (в том числе, анонимными), сюжеты и объекты которых принадлежат праздничной или обыденной, повседневной жизни отдалённых, фронтальных территорий с целью отобразить настоящее и сохранить его для будущих поколений.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования используется онлайн-архив фотографических снимков, расположенных на сайте Этнографического музея г. Будапешта.

Методологическая база исследования предполагает рассмотрение визуализации этнического во взаимосвязи с историко-культурным контекстом. Работа основывается на сочетании конструктивистского подхода (конструирование визуальных образов посредством

фотографии), биографического метода, связанного с изучением деятельности учёных и фотографов, а также метода прикладного визуального анализа, предполагающего социально-культурную интерпретацию визуальных (фотографических) образов.

Результаты

Фотоснимки К. Папай являются частью фотографического собрания Этнографического музея г. Будапешта, освещающего культуру тюркских (башкиры, татары, чуваша) и финно-угорских (мордва, марийцы, ханты, манси и др.) народов². Фотографический фонд будапештского Этнографического музея представлен довольно большим числом авторов (Б. Баратоши-Балог, В. Диосеги, Я. Янко и др.), снимки которых попали в собрание по этническим группам и были связаны с определённым научным интересом при комплектации фонда. В рамках этого фонда фотодокументы К. Папай занимают особое место среди снимков других венгерских исследователей в силу своей направленности на репрезентацию именно «этнических типов» финно-угров Сибири. Изучение данных фотографий, объединённых в один фонд, по всей видимости, исключительно по принципу содержания (презентация «типов и материальной культуры» одной этнической группы) требует дополнительного экскурса в историю собирания всех этих изображений венгерскими исследователями в Сибири, о чем ниже пойдёт речь.

Россия и особенно её полиэтнические регионы – Сибирь, Урал, Дальний Восток, во второй половине XIX – начале XX века оказались важным ареалом для антропологических и этнографических исследований со стороны венгерских учёных [16; 23; 30]. Изучение венграми отдалённых территорий Российской империи в тот период происходило параллельно с изменениями в рамках самой венгерской науки. К концу XIX века относится профессионализация науки в Венгрии и формирование научных школ – в том числе, в сфере этнографии – группы учёных-антропологов, объединённых одной исследовательской темой.

В сфере этнографического научного знания Венгрии обозначилась тенденция на поиск

эмпирического материала в исследовании исчезающих элементов народной культуры, «картографирование территорий и музеефицированные артефакты культуры» [4], поэтому полевая работа становилась обязательной частью научной деятельности. Как отмечает А. Е. Загребин, венгерских учёных финно-угроведы привлекало открытое в предыдущий (романтический) исследовательский период население заповедных территорий, где ещё были живы сказительские традиции, языческая религия и общинный уклад [9, 58]. Венгерские исследования развивались в это время в духе эволюционистской парадигмы, позитивистской установки, и в то же время, содержали в себе «некоторые иррациональные моменты, указывавшие на её связь с предыдущей эпохой, романтизированной в общественном сознании сферу этнического. Добытые и обработанные учёными факты и артефакты нередко становились национальными символами, работающими на укрепление национальной идентичности» [9, 59].

Во второй половине XIX в. венгерские финно-угроведы (А. Регули, Б. Мункачи, К. Папай, Й. Папай, Я. Янко и др.) стремились рассматривать область этнографии родственных народов в качестве сравнительного исследовательского поля, необходимого для понимания своей культуры [10; 16]. Интерес венгерских исследователей к России определялся в первую очередь тем, что в условиях невыясненности венгерского этногенеза, они предполагали и искали родственников венгерского языка и народов [16, 139]. Нахождение родственных связей между финно-угорскими народами, проживающими в Европе и России, должно было подчеркнуть особое положение венгров между восточной и западной культурой. Так, венгерский исследователь Янош Янко (1868 – 1902) предложил «теорию треугольника», согласно которой, на вершине виртуальной пирамиды, или, по словам автора, «треугольника», находились развитые индустриализирующиеся культуры финнов, венгров и эстонцев; в средней части помещались земледельческие культуры финноязычных народов России; в основании же располагались кочевые и охотничье-рыболовецкие культуры саамов и обско-угорских народов [9, 65].

Одновременно осуществлялся и поиск эмпирического материала, наглядно отражающего

² Ссылка на фотографии К. Папай, хранящиеся в Этнографическом музее г. Будапешта (из открытого источника) <http://gyujtemeny.neprajz.hu/neprajz.06.10.php?bm=1&as=89224&kv=283606>

идею «родственности» финно-угорских народов. В этой деятельности присутствовал общий принцип, характерный для империи последней четверти XIX века, «упорядочивавшей мир по модели каталога или архива, важна была не только категория «просматриваемости» территории, но также присвоение каждому человеку и каждой вещи своего «серийного» номера» [15]. Собранный материал затем демонстрировался в качестве музейных экспонатов, благодаря чему, например, в Венгерском национальном музее появились этнографические и археологические коллекции. Важной частью этих этнографических коллекций выступали фотоматериалы, включающие портретно-антропологическую и этнографическую съёмку народов Сибири. Данные фотографии способствовали решению вопроса об образе фронтирных территорий Российской империи, остававшегося неведомым для основной массы населения.

Так, одной из первых была этнографическая коллекция, составленная из экспонатов, привезённых известным венгерским этнографом, лингвистом, пионером исследований финно-угорских народов Анталом Регули (1819–1858) из его путешествия по России. А. Регули провёл комплексные исследования в Сибири: осуществил антропологические измерения (гипсовые слепки лиц, измерения роста, окружности головы), сделал лингвистические и фольклорные записи коренных народов Сибири (манси, хантов, ненцев), а также создал уникальный визуальный документ по топонимике региона – этнографическую карту местности с мансийскими названиями, на которой обозначил несколько сотен населённых пунктов, гор и рек. Это была первая подробная карта Северного Урала, изданная в 1846 году в Санкт-Петербурге, на которой впервые были нанесены границы расселения коренных жителей Урала – вогулов, остяков, самоедов и зырян, отмечены все основные, исторически сложившиеся перевальные пути через Уральские горы [21; 23]. В ходе исследовательских работ в Сибири Регули прошёл более 385 тыс. км., объездил огромную территорию Северного Урала, побывал у манси, а также у многих групп хантов и дошёл до Северного Ледовитого океана. Своими наблюдениями он хотел охватить почти всю культуру,

языки, праисторию, мифологию, народную поэзию и образ жизни финно-угорских народов, проживающих на территории России [12].

Исследования А. Регули были продолжены венгерским лингвистом Бернатом Мункачи (1860–1937) и молодым этнографом Кароем Папай (1861–1893), отправившимся в 1888–89 гг. по уральско-сибирскому маршруту А. Регули [11; 13]. В исследовательские задачи этих учёных входила расшифровка на месте непереведённых на венгерский язык и необработанных вогульских и остяцких рукописей А. Регули. Результатом деятельности Б. Мункачи, более года проработавшем среди вогулов, стала систематизация и расшифровка вогульского фольклорного материала, изданного впоследствии в четырёх томах, которые содержали в себе тексты на мансийском языке с переводом на венгерский, включали обобщающие труды о жанрах мансийского народного устного творчества, системе мировосприятия, пантеоне, обрядах, диалектах мансийского языка и их грамматическом своеобразии.

Спутник Б. Мункачи в экспедициях в Сибирь – Карой Папай – одним из первых обратился к изучению проблем финно-угорской антропологии, пытаясь выделить некие изначальные формы, присущие внешнему облику древних уральцев (рис. 1). К. Папай, проводивший исследования среди манси, ханты, зырян и ненцев, сфокусировался на проведении антропологических измерений и собирании этнографических предметов быта изучаемых народов. Одной из важных сфер его деятельности в качестве этнографа-исследователя стала практика фотографирования коренных народов Сибири и Урала. Из-за преждевременной смерти (скончался от туберкулёза желудка в возрасте неполных 32 лет) К. Папай не смог закончить антропологический отчёт. Его научное наследие в большей степени не сохранилось (полевой дневник выцвел и не читается) и до сих пор в полной мере не введено в научный оборот. В силу того, что фотографические снимки К. Папай³ являются первыми фотодокументами венгерских этнографических исследований родственных народов, своеобразными визуальными «кодами» считывания информации об иных культурах, они заслуживают особого внимания в качестве ценного визуально-антропологического источника.

³ В Этнографическом музее г. Будапешта оказалось около 200 фотографий К. Папай из Западной Сибири.

Рис. 1. Карой Папай.

Портрет остяцкой девушки. Конец XIX века.
Фото из открытых источников.

Английский антрополог Маркус Бэнкс предлагает применять к визуальным материалам двойную перспективу анализа: контент и контекст [26]. Какой комментарий сегодня можно предложить фотографиям К. Папай, если мы опознаем место и время их создания, его авторскую манеру?

Сибирские фотоматериалы К. Папай относятся к типу антропологической фотографии, которая в XIX – начале XX в. создавалась в соответствии с определёнными установившимися правилами, регламентирующими выбор персонажей для съёмки, её организацию, способы демонстрации, хранения изображений. В частности, методические рекомендации к производству антропологических снимков распространяло Императорское Русское географическое общество, опубликовавшее работу в переводе с немецкого «Наставления для желающих изготовлять фотографические снимки в пользу антропологии» (1872), ставшую руководством к действию в XIX – начале XX вв. для многих этнографов и фотографов. Устанавливался единый размер изображений – портреты не менее 1/8 натуральной величины, «потому что при меньшей величине отдельные пропорции

лица не могут подлежать измерению по снимку» [18, 86–88]. Эти методические рекомендации отражали общий подход к созданию портретно-антропологической съёмки, в том числе, прослеживающийся в фотодокументах К. Папай.

Создание антропологической фотографии, помимо прочего, требовало применения в экспедиционных условиях особой технологии (поиск, размещение и фиксирование модели, установление осветительных и измерительных приспособлений, выбор проекций и т.п.). Фотография того времени зависела от техники мокрых пластинок; экспонирование и последующее проявление фотопластин приходилось проводить на месте. Дополнительные трудности создавало крайне осторожное и опасливое отношение ханты и манси к процессу фотографирования. Для создания фотоматериалов этнографу К. Папай пришлось стационарно размещаться и методично проводить исследования во всей Лозьве, Северной Сосьве, Ляпине, Пелыме Конде. К. Папай побывал в зимний период на Оби, среди восточных хантов, там же он работал с селькупам, потом посетил Берёзов и оттуда перебрался в Обдорск, к зырянам и ненцам.

Судя по фотоархиву К. Папай, учёный в своих исследованиях органично объединил антропологические измерения, предполагавшие отношение к снимаемым людям как научным объектам (обмерил 100 вогулов, 145 остяков, 50 зырян и 30 самоедов) и фотофиксацию «этнографичности», которая находила выражение в изображении особенностей традиционного костюма и старинных принадлежностей снимаемых персонажей. Если портретная съёмка предполагала отображение физических особенностей народов для проведения сравнительных действий (фотографии выступали дополнительным ресурсом к проведённым антропометрическим исследованиям), то фотографическая репрезентация элементов традиционной культуры демонстрировала особенности и подробности контекста бытования данного антропологического типа [6]. В этом смысле, антропологическую фотографию К. Папай нельзя отделять от этнографической, что укладывалось в рамки парадигмы создания этно-портретной съёмки конца XIX века, согласно которой, по словам Е. Б. Толмачевой, этнографическая фиксация культуры в целом понималась как фотосъёмка аборигенов [24, 12].

Основная часть фотоснимков К. Папаи связана с фиксацией человека, через репрезентацию внешних данных которого представлялся народ и его культура. Как профессиональный фотограф К. Папаи искал композиционный центр сцен, его объектив направлен и внимательно «смотрит» перед собой. Антропологические типы создают ситуацию встречи объекта и зрителя «здесь» и «сейчас» [29, 25], подчёркнутые однотонным задником объекты как будто выступают из своего фона и оказываются лицом к лицу с объективом. Перед нами, прежде всего – портрет, «душа человека сокрыта, а всё сокровенное именно и возбуждает особое любопытство наше. Каждому хочется проникнуть вглубь нравственной жизни другого, знать, чего от него можно ждать и надеяться, не говоря уже о практических целях, которые делают практическую физиогномику необходимой для жизни» [3, 2].

Вместе с портретами в фотоколлекции К. Папаи имеются групповые снимки представителей финно-угорских народов ханты и манси, выражения лиц которых намекают на присутствие фотокамеры: люди улыбаются, хмурятся, прикрывают лица рукой, отворачиваются, смотрят прямо в объектив. Особенно это характерно для детей, реакции которых не регламентированы и более естественны. Кроме того, коллекция К. Папаи включает в себя жанровые сцены, снимки объектов материальной культуры. К таковым относится, к примеру, фотографический снимок К. Папаи 1888 г. «Остяцкий (тунгусский) шаман», который хранится в Этнографическом музее г. Будапешта, изображающий шамана с бубном. Поскольку природа венгерского шаманизма рассматривалась, как тесно связанная с происхождением венгров от финно-угров [28], интерес К. Папаи к запечатлению на фотографии именно шаманов закономерен.

Интересный случай с включением этой фотографии в современный культурный контекст упоминает в своей статье венгерский исследователь З. Надь. В 2001 г. З. Надь, проводя полевую работу среди васюганских хантов, показал фотоизображение шамана, сделанное К. Папаи, представителям хантыйского рода Милимовых и зафиксировал своеобразную сцену «разговора с фотографией». «Пётр Милимов смотрел на эту фотографию долго, внимательно, неотрывно. Мы, остальные, смотрели семейный альбом и нашли одну фотографию, на которой

было изображено трое мужчин – Пётр и два его родственника рядом с вертолётom. Мой хозяин взял эту фотографию, посмотрел на неё, а потом повернул обе фотографии друг к другу и через некоторое время обратился к картине своего прадедушки (фото шамана, сделанное К. Папаи – Е. Г.): «Видишь, дед, мы уже так ездим, у нас уже такие машины». Потом, спустя долгое время, будто утешая, он добавил: «Ну, ничего, дед, вы тоже жили нормально» [17, 125]. З. Надь отмечает, что фотография, по мнению хантов, – проявление духа *kurr*, тени человека, по которой его можно узнать [17, 125], поэтому с фотографией, изображающей членов рода, возможен эмоциональный диалог. В этом плане, помимо прочего, обозначается различие в понимании фотографического снимка разными аудиториями, а сама фотография является «превосходным естественным катализатором социального общения» [5, 65], высвобождающем давно забытые, неосознанные чувства и воспоминания.

Обсуждение и заключение

Сказанное позволяет сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, в этнографическом изучении культуры финно-угорских народов венгерскими учёными антропологическая фотография становилась важным элементом формирования стереотипов мировоззрения. У внешнего наблюдателя (исследователя, учёного, путешественника) посредством фотографии создавалось представление о морфологических признаках лица и тела человека финно-угорской культуры. Как отмечают Е. Ярская-Смирнова и П. Романов, «смотреть на человека как на тот или иной тип, значит определять собственные способы поведения и действия по отношению к типу, тем самым задавать рамку, типизировать себя» [25, 8]. Фотоснимки такого рода служили ценным материалом для проведения научного антропологического изучения и осуществления историко-культурных сравнений. У самих коренных народов (в первую очередь, у старшего поколения) антропологическая фотография рассматривалась, с одной стороны, как признак повышения их статуса в современной культуре, с другой, – являлась формой проявления духовного начала (в данном случае у хантов – духа *kurr*) и воспринималась как «живая» (с некоторыми ограничениями).

Основную группу фотодокументов архива К. Папай составляют этнографические портреты: персональные и групповые снимки хантов, манси, зырян и ненцев, созданные на территории Северной Сибири. По понятным мотивам, связанным с техническими особенностями фотопроцесса того времени, фотографии делались в максимально светлый период дня, при этом многие портреты сняты на сходном или попросту одном и том же фоне – задней стены жилой постройки. Композиционно они выполнены однообразно – герои съёмки либо смотрят напрямую в фотокамеру, либо отвернуты от неё вполоборота. К некоторым фотографиям имеются указания на имя, фамилию и возраст портретируемого («Евгения Амелкина, 18 лет», «Иван Тейков, 37 лет» и т.д.). Но в основной массе паспортизация снимков выполнена коротко и содержит лишь общие характеристики («остяки мужчины», «портрет вогула» и т.п.) (рис. 2). Это свидетельствует о том, что представители этнических сообществ интересовали фотографа-исследователя К. Папай не столько как конкретные персоны, сколько как антропологические типы.

Рис. 2. Карой Папай.
Молодой вогул. Конец XIX века.
Фото из открытых источников.

В этой связи, можно констатировать, что изучение этнографом К. Папай коренных народов Сибири проводилось в русле эволюционистской антропологии XIX века. Данные фотоизображения выполнены в классической манере, без художественных изысков, и представляют собой взгляд иностранного исследователя на различные стороны жизни сибирского Севера. С одной стороны, они служат вкладом в науку, являясь одними из первых визуальных документов по этнографии народов региона. С другой, – содержат информацию об исторической эволюции северных окраин на рубеже XIX–XX вв. Исходя из анализа данных визуальных архивов, удаётся рассмотреть и исследовательско-творческий «почерк» К. Папай-фотографа. Он выдержан в русле распространённой в антропологии того времени методики съёмки портретов представителей этнических сообществ на фоне искусственного нейтрального «задника», в фас и профиль, в одежде и без таковой.

Фотографии К. Папай ориентированы на «публичное» использование, на массовую аудиторию. В процессе рассмотрения визуальных материалов К. Папай различные фотографические изображения постепенно складываются в своеобразный собирательный образ коренного сибиряка. А благодаря известному существенному эффекту воздействия архивных фотографий на аудиторию, именно документальные фотоизображения, как К. Папай, так и его коллег, формируют у современных посетителей музейных выставок, читателей книг и альбомов, представление об облике сибирского Севера конца XIX – начала XX вв. Наконец, следует особо подчеркнуть, что антропологические образы, запечатлённые на фотоснимках К. Папай, стали существенным вкладом в процесс формирования теории о наличии родственных связей между венгерским и финно-угорскими этническими сообществами, – научных представлений, до сих пор активно циркулирующих в рамках антропологии и истории в Венгрии.

Список источников и литературы

1. Бардина Р. К. Портреты обских угров (из семейных фотоархивов обских и нижнесосьвинских манси и хантов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 256 с.
2. Березницкий С. В. Фотоколлекции Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН // Вопросы музеологии. 2018. Т. 9 (1). С. 111-119.

3. Богданов А. П. Антропологическая физиогномика. Предварительные заметки. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. 30 с.
4. Бодрийяр Ж. Фотография, или письмо света. [Пер. с англ. Арсена Меликяна]. URL: <https://poisk.ru/s36022t7.html> (дата обращения: 19.01.2020).
5. Вайзер Д. Техники фототерапии: использование интеракций с фотографиями для улучшения жизни людей // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант ЦСПГИ, 2009. С. 64–108.
6. Вятчина М. В. Визуализация этничности в фотоматериалах конца XIX – начала XX вв. (на примере фотографий Этнографического музея Казанского университета URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1358-stolypin-palach-ili-> (дата обращения: 18.01.2020).
7. Головнева Е. В. Фотография как метод визуального исследования традиционных этнических сообществ (на примере творчества В.К. Арсеньева) // Полилингвизм и поликультурность в коммуникационно-образовательном пространстве университета в эпоху постграмотности: накопленный опыт и перспективы развития. Сборник статей. Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 188–193.
8. Две Югры. Фотоальбом. СПб.: Славия, 2014. 223 с. (Серия «Разная Земля». Вып. 3).
9. Загребин А. Е. Интеллектуальные основы финно-угорских исследований в эпоху позитивизма // Вестник Удмуртского университета. 2009. Вып. 2. С. 58–70.
10. Загребин А. Е. Уральское измерение финно-угорской этнографии // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 16–24.
11. Егоров А. В., Загребин А. Е. Бернат Мункачи, война, мир и финно-угорские исследования // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 4. С. 65–79.
12. Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули // Сибирский сборник-2. К юбилею Е. А. Алексеев / Отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 268–294.
13. Козмач И., Егоров А. В. Бернат Мункачи и начало полевых работ в венгерской лингвистике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2015. № 9-10 (104). С. 171–176.
14. Круткин В. Л. Антропологические основания фотографического опыта // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия, психология, педагогика. 2005. № 2. С. 119–130.
15. Крылова Н. Нерчинская каторга: этнографический взгляд на Российскую империю в фотографиях «видов и типов» последней четверти XIX века // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 285–311.
16. Надь З. В поисках родных среди чужих. Венгерские исследователи в России в период Австро-Венгрии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 4. С. 139–148.
17. Надь З. Об одном шаманском бубне васюганских хантов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (52). С. 123–126.
18. Наставления для желающих изготовлять фотографические снимки в пользу антропологии // Известия ИРГО. 1872. Т. VIII. № 2. С. 86–88.
19. Петровская Е. В. Антифотография. М: Три квадрата, 2003. 112 с.
20. Пивнева Е. А. Фоторепрезентации этнической культуры обских угров // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 716–728.
21. Секей Габор Б. Топонимия верхнего течения реки Лозьва и прилегающих территорий на рукописном плане карты Антала Регули (Karte Nro I. 1844) // Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13). С. 18–42.
22. Сосна Н. Н. Фотография и образ: визуальное, непрозрачное, призрачное. М.: Ин-т философии РАН, НЛО, 2011. 200 с.
23. Терюков А. И. Антал Регули: между Западом и Востоком // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 118–122.
24. Толмачева Е. Б. Портретно-антропологическая фотография: к истории развития методов съёмки и формирования коллекций // Фотография. Изображение. Документ. 2014. Вып. 5(5). С. 12–18.
25. Ярская-Смирнова Е., Романов П. Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптики. М.: Вариант ЦСПГИ, 2009. С. 7–16.
26. Banks M. Visual Methods in Social Research. London: Sage, 2001. 219 p.
27. Campbell C. Agitating images: Photography against History in Indigenous Siberia. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2014. 268 p.
28. Hoppal Mihaly. Shamans and traditions. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2007. 202 p.
29. Pinney Ch. Photography and Anthropology. London: Reaktion books, 2011. 174 p.
30. Ruttkay-Miklan E. Antal Reguly’s Data on the Ural Nenets // Этнография. 2018. № 2. С. 84–108.

References

1. Bardina R. K. *Portrety obskih ugrov (iz semejnyh fotoarhivov obskih i nizhnesos'-vinskih mansi i hantov)* [Portraits of the Ob Ugrians (from the family photo archives of the Ob and the Lower Sosva Mansi and Khanty)]. Novosibirsk: IAE SB RAN Publ., 2014. 256 p. (In Russian)
2. Bereznickiy S. V. *Fotokollekcija Tunguskoj jekspedicii v fondah Muzeja antropologii i etnografii RAN* [Photography collections of the Tungus expedition in the Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS]. *Voprosy muzeologii* [Issues of Museology], 2018, no. 9 (1), pp. 111–119. (In Russian)
3. Bogdanov A. P. *Antropologicheskaja fiziognomika. Predvaritel'nyye zametki* [Anthropological physiognomy. Preliminary notes]. Moscow: Tip M. N. Lavrova i K° Publ., 1878. 30 p. (In Russian)
4. Bodrijar Zh. *Fotografija, ili pis'mo sveta* [Photography, or the Letter of Light]. Available at: <https://poisk-ru.ru/s36022t7.html> (accessed January 19, 2020). (In Russian)
5. Vaizer D. *Tehniki fototerapii: ispol'zovanie interakcii s fotografijami dlja uluchshenija zhizni ljudej* [Technics of photo therapy: use of the interactions with photographs for improving of the people's life]. *Vizual'naja antropologija: nastrojka optiki* [Visual Anthropology: Optics Regulation]. Moscow: Variant CSPGI Publ., 2009. pp. 64–108. (In Russian)
6. Vyatchina M. V. *Vizualizacija etnichnosti v fotomaterialah konca XIX – nachala XX vv. (na primere fotografii Jetnograficheskogo museja Kazanskogo universiteta)* [Visualization of ethnicity in the photographs of the end of XIX – the beginning of XX centuries (on the example of the photographs of the Ethnography Museum of Kazan University)]. Available at: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1358-stolypin-palach-ili-> (accessed January 18, 2020). (In Russian)
7. Golovnyova E. V. *Fotografija kak metod vizual'nogo issledovanija jetnicheskikh soobshestv (na primere tvorchestva V.K. Arsen'eva)* [Photography as the method of the visual research of the traditional ethnic communities (on the example of Vladimir Arsenyev's works)]. «*Polilingvizm i polikul'turnost' v kommunikacionno-obrazovatel'nom prostranstve universiteta v jepohu postgramotnosti: nakoplennyi opyt i perspektivy razvitiya*» [Multiple languages and multiple cultures in the communicational and educational space of the university in the epoch of post-literacy: experience and perspectives]. Yekaterinburg: UrFU Publ., 2019. pp. 188–193. (In Russian)
8. *Dve Yugry* [Two Yugra]. Photographic album. Saint-Petersburg: Slaviya Publ., 2014. 223 p. (In Russian)
9. Zagrebin A. Ye. *Inellektual'nye osnovy finno-ugorskih issledovanij v jepohu pozitivizma* [Intellectual basis of the Finno-Ugric studies in the period of positivism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2009, vol. 2, pp. 58–70. (In Russian)
10. Zagrebin A. Ye. *Ural'skoe izmerenie finno-ugorskoj jetnografii* [Ural dimension of the Finno-Ugric ethnography]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2013, no. 2 (39), pp. 16–24. (In Russian)
11. Yegorov A. V., Zagrebin A. Ye. *Bernat Munkachi, voyna, mir i finno-ugorskie issledovanija* [Bernat Munkácsi, War, Peace and the Finno-Ugric Studies]. *Yezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018, vol. 12, no. 4, pp. 65–79. (In Russian)
12. Kereshi A. *Jetnograficheskaya deyatel'nost' Antala Reguli* [The ethnographic activity of Antal Reguly], *Sibirskiy sbornik-2* [Siberian Proceedings-2], Saint-Petersburg, 2010, pp. 268–294. (In Russian)
13. Kozmach I., Yegorov A. V. *Bernat Munkachi i nachalo polevyh rabot v vengerskoy lingvistike* [Munkácsi Bernát and the beginning of fieldwork in the Hungarian linguistics]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiia of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 9–10 (104), pp. 171–176. (In Russian)
14. Krutkin V. L. *Antropologicheskie osnovaniya fotograficheskogo opyta* [Anthropolical bases of photographic experience]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2005, no. 2, pp. 119–130. (In Russian)
15. Krylova N. *Nerchinskaya katorga: jetnograficheskij vzglyad na Rossijskuju imperiju v fotografijah «vidov i tipov» poslednei chetverti XIX veka* [Nerchinsk Katorga: an ethnographic view at the Russian Empire in photographs of «types and species» during the last quarter of the XIX century]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literature Observer], 2017, no. 2 (144), pp. 285–311. (In Russian)
16. Nady Z. *V poiskah rodnyh sredi chuzhih. Vengerskie issledovateli v Rossii v period Avstro-Vengrii* [In search of relatives among strangers. Hungarian researches in Russia in period of Austro-Hungarian Empire]. *Yezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, no. 11 (4), pp. 139–148. (In Russian)
17. Nady Z. *Ob odnom shamanskom bubne vasyuganskih khantov* [About one Shaman's drum of the Vasyugan Khanty]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2006, no. 1 (52), pp. 123–126. (In Russian)

18. *Nastavlenija dlja zhelayushhih izgotovljat' fotograficheskie snimki na pol'zu antropologii* [Instructions for those who want to make photographs in favor of anthropology]. *Izvestija IRGO* [Bulletin of the Russian geographical society], 1872, no. VIII (2), pp. 86–88. (In Russian)
19. Petrovskaya E. V. *Antifotografiya* [Anti-photography]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2003. 112 p. (In Russian)
20. Pivneva E. A. *Fotorepresentacii jetnicheskoi kul'tury obskih ugrov* [Photo-representation of ethnic culture of the Ob Ugrians]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (4), pp. 716–728. (In Russian)
21. Székely Gábor B. *Toponimiya verhnego techeniya reki Loz'va i prilegayushih territorii na rukopisnom plane karty Antala Reguli (Karte Nro I. 1844)* [The Upper-Lozva River and Adjacent Territories Toponymy on the Handwritten Map by Antal Reguly (Karte Nro I. 1844)], *Voprosy onomastiki* [Issues of Onomastics], 2012, no. 2 (13), pp. 18–42. (In Russian)
22. Sosna N. N. *Fotografiya i obraz; vizual'noe, neprozrachnoe, prizrachnoe* [Photography and image: visual, opaque, illusive]. Moscow: Institut filosofii RAN, NLO Publ., 2011. 200 p. (In Russian)
23. Teryukov A. I. *Antal Reguli: mezhdz Zapadom i Vostokom* [Antal Reguly: between West and East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoria* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2016, no. 5 (43), pp. 118–122. (In Russian)
24. Tolmachyova E. V. *Portretno-antropologicheskaya fotografija: k istorii razvitija metodov s'emki i formirovaniya kollekcii* [Portrait and anthropological photography: to the history of development of photofixation methods and collections' forming]. *Fotografija. Izobrazhenie. Document* [Photography. Image. Document], 2014, no. 5 (5), pp. 12–18. (In Russian)
25. Yarskaya-Smirnova E., Romanov P. *Vzglyady i obrazy; metodologija, analiz, praktika* [Views and images: methodology, analyze, practice]. *Vizual'naja antropologija: nastrojka optiki* [Visual Anthropology: Optics Regulation]. Moscow: variant TSSPGI Publ., 2009. pp. 7–16. (In Russian)
26. Banks M. *Visual Methods in Social Research*. London: Sage, 2001. 219 p. (In English)
27. Campbell C. *AGITATING IMAGES: Photography against History in Indigenous Siberia*. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2014. 268 p. (In English)
28. Hoppal Mihaly. *Shamans and traditions*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2007. 202 p. (In English)
29. Pinney Ch. *Photography and Anthropology*. London: Reaktion books, 2011. 174 p. (In English)
30. Ruttkay-Miklén E. Antal Reguly's Data on the Ural Nenets. *Jetnografija*, 2018, no. 2, pp. 84–108. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Головнева Елена Валентиновна, профессор кафедры культурологии и дизайна, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), доктор философских наук.

golovneva.elena@gmail.com

ORCID 0000-0002-0709-4615

ABOUT THE AUTHOR

Golovnyova Elena Valentinovna, Professor of Department of Cultural Studies and Design, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (620002, Russian Federation, Yekaterinburg, Mira st., 19), Doctor of Philosophical Sciences.

golovneva.elena@gmail.com

ORCID 0000-0002-0709-4615